

RU

«Своё чужое»: специфика функционирования иноязычных фразеологических единиц в произведениях русских писателей-эмигрантов

Голикова М. М.

Аннотация. Целью исследования является системное выявление и идиостилистическая интерпретация иноязычных фразеологических единиц в текстах русских писателей-эмигрантов начала XX века. Внимание уделяется также частотности использования подобных выражений в произведениях, созданных авторами до и после эмиграции. Отдельно рассматриваются фразеологические единицы как средство репрезентации культурных концептов. В статье подробно описаны механизмы трансформации иноязычных фразеологических единиц в текстах эмигрировавших русских писателей, рассматриваются их авторские модификации, вызванные причинами лингвистического и экстралингвистического характера. Научная новизна работы заключается в выявлении иноязычного влияния на фраземику русской эмигрантской прозы, в том числе с точки зрения её автохтонных и приобретённых под влиянием инокультурной среды свойств. Ранее русская идиоматика прозы писателей-эмигрантов в таком аспекте не исследовалась (за исключением маргинальных замечаний о языке отдельных авторов). Результатом проведённого исследования стало системное описание специфики образной составляющей иноязычных фразеологических единиц в текстах произведений писателей-эмигрантов, позволившее получить новые сведения о своеобразии языка русской эмигрантской прозы.

EN

“One’s Own Foreign”: The Specifics of Functioning of Foreign Phraseological Units in the Works of Russian Émigré Writers

Golikova M. M.

Abstract. The aim of the study is to carry out a systematic identification and idiostylistic interpretation of foreign phraseological units in the texts of Russian émigré writers of the early XX century. In addition, attention is paid to the frequency of such expressions in the works created by the authors before and after emigration. Separately, phraseological units are considered as a means of representing cultural concepts. The paper describes in detail the mechanisms of transformation of foreign phraseological units in the texts of émigré Russian writers, examines their authorial modifications caused by linguistic and extralinguistic reasons. The scientific novelty of the paper lies in identifying the foreign language influence on the phrasemics of Russian émigré prose, including from the viewpoint of its autochthonous and acquired properties under the influence of a foreign cultural environment. The Russian stock of idioms of émigré prose has not been previously studied in this aspect (with the exception of marginal remarks about the language of individual authors). The result of the study amounted to a systematic description of the specifics of the figurative component in foreign phraseological units in the texts of works by émigré writers, which allowed the researcher to obtain new information about the originality of the language of Russian émigré prose.

Введение

Проза русской эмиграции занимает особое место в литературном пространстве. Имена многих авторов на протяжении многих лет были неизвестными, а их произведения оставались terra incognita не только для читателей, но и для исследователей. Этим объясняется лакунарное исследование языковых особенностей созданных ими художественных текстов. Восполнение такого рода пробела позволит показать влияние лингвокультуры страны эмиграции на лингвокреативное использование русскими писателями-эмигрантами «чужой» идиоматики.

Актуальность исследования обуславливается не только сугубо идиостилевым характером того или иного писателя, но и культурно-историческими условиями их речетворчества. По мере увеличения числа эмигрантов всё более важным становилось «налаживание мостов» между носителями языка в метрополии и за её пределами. Это необходимо для сохранения русской культуры, её презентации в мире. Именно фраземика как продукт вторичной номинации способна уточнить особенности этноязыкового сознания носителей языка, а также выявить их культурные доминанты. Всё это придаёт изучению фраземики эмигрантской прозы в целом и её образной составляющей в частности особую лингвокультурологическую значимость. Исследование иноязычных фразеологических единиц (далее – ФЕ), используемых писателями-эмигрантами, позволяет (а) определить, насколько проницаемо лингвокультурное сознание носителя языка, (б) какие его зоны оказываются наиболее восприимчивыми к воздействию внешней культурной среды, а также (в) выявить механизмы адаптации ФЕ к социокультурному контексту.

Для достижения цели исследования представляется важным решение ряда задач:

- классифицировать механизмы авторского использования иноязычных устойчивых выражений;
- выявить факторы, детерминирующие их выбор (время и место эмиграции, жанр произведения и т.п.);
- определить их лингвопрагматическую обусловленность;
- выявить экстралингвистические факторы, обуславливающие идиостилистическую релевантность при использовании иноязычной фраземики в исконно русской архитектонике художественного текста.

В качестве основного инструментария, отвечающего оптимальному решению этих задач, использовались описательный, сопоставительный и контекстологический методы, а также приёмы кросс-культурного анализа художественного текста.

Материалом исследования послужили произведения русских писателей-эмигрантов (И. А. Бунина, А. И. Куприна, В. В. Набокова, Л. Д. Ржевского, В. Юрасова, В. П. Некрасова, С. Д. Довлатова, В. П. Аксёнова, Д. И. Рубиной, А. Н. Рыбакова и др.):

Аксёнов В. П. Бумажный пейзаж. Анн-Арбор: Ardis, 1983. URL: <https://imwerden.de/avtor-593.html>

Аксёнов В. П. Золотая наша железка. Анн-Арбор: Ardis, 1980.

Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1996. Т. 6.

Куприн А. И. Избранное. М.: Правда, 1977.

Набоков В. В. Лолита: роман / пер. с англ. автора. М.: Художественная литература, 1991.

Ржевский Л. Д. Двое на камне. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1960.

Рубина Д. И. Почерк Леонардо. М.: Эксмо, 2008. URL: <https://www.litres.ru/dina-rubina/pocherk-leonardo/>

Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1998. Т. 1. Солнце мертвых. Повести. Рассказы. Эпопея.

Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1972.

Теоретической базой исследования послужили работы, касающиеся специфики феномена эмиграции в русской литературе (Безелянский, 2017а; 2017б; 2018), особенностей языка эмиграции (Земская, 1999; Большакова, 2008; Колесова, 2005), а также исследования, связанные со спецификой перевода иностранных ФЕ на русский язык (Аюпова, 2004; Кунин, 1964), их местом в лингвокультуре (Жукова, 2011) и воздействием иных внешних факторов на семантику и прагматику текста (Чумак-Жунь, 2018; Gutovskaya, 2015).

Практическая значимость работы обуславливается возможностью применения в переводческой деятельности выявленных вариантов творческого использования иноязычных ФЕ в русском тексте, а также их дискурсивно-стилистической значимости. Результаты исследования могут быть полезны для создания обобщенного тезауруса языка русского эмигрантского словесно-художественного творчества, а также при его изучении в студенческой аудитории в рамках дисциплин, связанных с лингвокультурологией и переводоведением.

Основная часть

Изучение влияния иноязычной лингвокультуры на фраземику русской эмигрантской прозы предполагает исследование выражений, прямо или косвенно взятых из других языков. Мы намеренно используем термин *иноязычные ФЕ*, а не *заимствованные ФЕ*. Под *заимствованными* нами понимаются ФЕ, пришедшие из других языков, но успешно усвоенные (а порой и переосмысленные) русским языком (например, *крокодиловые слёзы*, *не в своей тарелке*), а под *иноязычными* – те, что усвоены так и не были (или были, но не в достаточной мере) и представляют собой чужеродные включения в русскоязычный текст. Именно иноязычные выражения и составляют предмет нашего исследования, т.к. в большей мере несут на себе отпечаток сторонней лингвокультуры, тогда как первые перестают ощущаться носителями языка как нечто чужеродное. Иноязычные ФЕ представляются продуктом кросс-культурной, а не межкультурной коммуникации. Считаем продуктивной идею Е. В. Николаевой (2015): «...в кросс-культурном диалоге импортируется сам лингвокультурный код» (с. 98), «...вследствие кросс-культурной рефлексии в семиосфере культуры происходит маркирование национальными предикатами предметов и социокультурных практик, заимствованных из других культур или встроенных в свою языковую картину мира в качестве (ино)странных, инокультурных артефактов» (с. 98). Иными словами, кросс-культурное взаимодействие предполагает перенос культурного кода на новую почву, привносит ауру чужой культуры в структуру текста на языке-реципиенте. Это обуславливает синтетический характер получившегося материала: артефакты «своей» лингвокультуры начинают соседствовать с артефактами

лингвокультуры «чужой», взаимодополняя друг друга или же демонстрируя противоречивость. В то же время межкультурное взаимодействие не предполагает заимствование культурного кода, а лишь налаживает коммуникативный процесс. Именно это обуславливает значимость исследования иноязычных фразеологических элементов.

Под *эмигрантской* прозой мы понимаем произведения писателей, вынужденно покинувших Россию в XX веке в ходе эмиграции. Выделяют несколько массовых периодов такой эмиграции, условно названных волнами. Опираясь на группы таких причин, а также периоды активного переселения жителей России и СССР за границу, специалисты выделяют три (по другим источникам – четыре) волны эмиграции. Первая началась после Революции 1917 г., вторая – в 40-х годах XX века (вызвана Второй мировой войной), третья – в 70-е годы XX века (после массовых разрешений на выезд евреев и диссидентов). Дискуссионным остается вопрос об уместности выделения четвертой волны эмиграции, начавшейся в конце 80-х годов и существенно расширившейся после распада СССР. Считаем уместным выделить четвертую волну для унификации эмиграционного процесса. Таким образом, под эмигрантской прозой нами будут пониматься произведения русских писателей, созданные ими с 1918 года по настоящее время. Кроме того, для сопоставления также были исследованы тексты, написанные до отъезда за рубеж.

Среди изученного нами материала было выявлено 203 иноязычные ФЕ. Частотность употребления таких единиц представлена на Диаграмме 1.

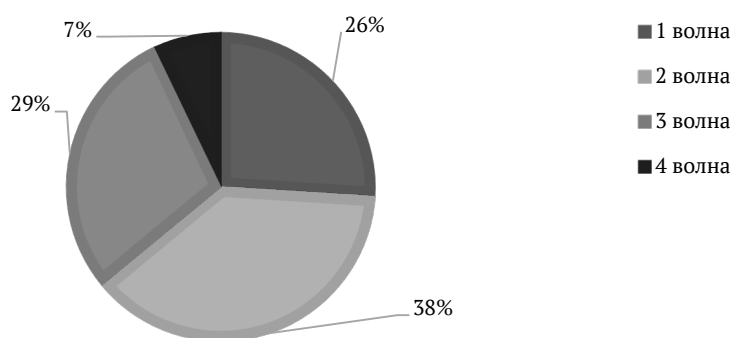

Диаграмма 1. Соотношение количества иноязычных ФЕ

Диаграмма 1 позволяет увидеть, что наиболее часто иноязычные ФЕ встречаются в текстах эмигрантов второй и третьей волны. Важно отметить, что сам факт эмиграции существенно влияет на использование в текстах произведений заимствованных ФЕ. Так, в текстах, созданных на родине, писатели практически не используют чужеродные выражения. Оказавшись в другой стране, активно взаимодействуя с её языком и культурой, языковая личность начинает впитывать и её фраземику. Косвенным подтверждением влияния факта эмиграции на частотность использования иноязычных ФЕ можно считать и основные языки-источники этих выражений. Если в случае с эмигрантами первой волны речь идет преимущественно о французском языке, то у эмигрантов второй волны это уже немецкий, а у эмигрантов третьей волны – английский. У представителей последней волны эмиграции выявить такого «лидера» достаточно сложно, что во многом обуславливается и сравнительно малым количеством иноязычных вкраплений в изученных нами текстах. Такое распределение отнюдь не случайно и связано с основными центрами эмиграции, а также странами, где преимущественно проживали авторы исследуемых произведений. Особое место занимают выражения на латыни. Латынь – мертвый язык, использующийся в определенных профессиональных сферах (медицина, юриспруденция и т.п.), однако многие знаменитые изречения, афоризмы и по сей день функционируют во всех мировых языках именно в оригинальном виде, на латыни. Подобные ФЕ относятся к книжным, зачастую они имеют возвышенную стилистическую окраску и могут служить демонстрацией широкого кругозора говорящего или пишущего. Статистика употребления латинских ФЕ после эмиграции показывает, что прямой зависимости от волн здесь нет, показатели разнятся незначительно. Определенное влияние на показатели также оказывают и экстралингвистические факторы: например, В. В. Набоков, активно использующий заимствованную фразеологию, не публиковал прозаические произведения до эмиграции, что не может не сказаться на итоговом количестве ФЕ.

Большой интерес, на наш взгляд, представляют способы переноса заимствованных ФЕ в русскоязычный текст. В произведениях писателей-эмигрантов они обычно выглядят следующим образом:

1. Оригинальное написание – передача ФЕ на исходном языке с использованием средств его письменности: «*Мои судьи усмотрят в вышесказанном лишь кривлянья сумасшедшего, попросту любящего le fruit vert*» (Набоков, 1991, с. 53) (фр. *le fruit vert* ‘незрелый плод’, ‘молоденькая девушка’). Данный способ максимально сохраняет образную составляющую и структурную организацию исходного выражения. Однако его восприятие читателем затрудняется из-за языкового барьера. Неслучайно подобные выражения в текстах обычно сопровождаются сносками с переводом, подготовленным либо редактором издания, либо самим автором (так, например, в случае с вышеприведенным примером сам В. В. Набоков счел наиболее уместным указать первое значение выделенной ФЕ, что в большей мере соответствует содержанию произведения). Отсутствие подобных пояснений приводит к невозможности понять смысл выражений, в особенности тех, смысл которых

наименее всего соотносится с значением отдельных компонентов: «...её рутинные скачки с раскинутыми ногами не столько напоминали томные и вместе с тем угловатые движения парижских *petits rats*, сколько прыжки тех голоногих дивчин в коротеньких юбках и толстых свитерах...» (Набоков, 1991, с. 255). Дословный перевод французской ФЕ – ‘маленькие крысы’, что никоим образом не соотносится с её семантикой. Сам автор в комментариях объясняет значение выражения так: «...балерины-ученицы не старше 14 лет в Парижской Опере» (Набоков, 1991, с. 393). Существуют разные гипотезы, объясняющие, почему юные балерины соотносятся с *крысами*, однако без развернутого пояснения понять смысл этого словосочетания невозможно.

Понимание семантики иноязычного выражения всё равно не даёт читателю в полной мере проникнуться его образным содержанием, следовательно, часть смыслового наполнения ФЕ остается отброшенной. В то же время оригинальная передача заимствованных ФЕ имеет и ряд преимуществ. Например, в художественном тексте она может способствовать более точной передаче национального колорита, речевого портрета героя: «*Mein Gott! Это такой был для него удар!*» (Ржевский, 1960, с. 130) (нем. ‘мой Бог’).

Наиболее часто иноязычные ФЕ такого типа можно встретить в текстах писателей первых двух волн эмиграции, причём после отъезда за рубеж к нему прибегают значительно чаще (например, у представителей 1 волны эмиграции это соотношение выглядит как 2:24). В текстах эмигрантов последней волны именно такой способ становится основным инструментом передачи иноязычных ФЕ. Именно он обуславливает наиболее точную передачу иноязычного выражения, делает его более сохранным и, следовательно, максимально сохраняет исходный смысловой фон.

2. Транслитерация предполагает передачу иноязычного выражения с помощью кириллицы (возможна реализация в виде **транскрибирования**, в таком случае за основу берётся не буквенный, а звуковой облик слова). Такой способ облегчает сам процесс чтения заимствованной ФЕ, т.к. не требует предварительного знакомства с особенностями чужой письменности, однако не решает уже упоминавшихся выше проблем, связанных с пониманием семантики выражения и его смыслового содержания. Подобный способ позволяет лучше передать специфику разговорной речи с возможными искажениями иноязычных выражений, нарушениями орфоэпических правил: «Хромой газетчик сказал так бойко: “*Бон аппети, месье!*”» (Шмелёв, 1998, с. 524) (фр. *bon appétit* ‘приятного аппетита’). Иногда транслитерированный вариант может намеренно искажаться, чтобы ещё точнее передать разговорную речь: «*Прошу отвечать мне в почтамт, poste restante*» (Куприн, 1977, с. 429) (фр. *poste restante* ‘до востребования’). Но чаще всего искажения возникают за счет различий как в звуковой системе разных языков, так и в особенностях письменности, наличии отдельных букв и/или диакритических знаков: «– А нельзя ли нам, *гнедиге фрау*, поговорить с хозяином?» (Юрасов, 1972, с. 319) (нем. *gnädige Frau* ‘милостивая фрау’, ‘сударыня’; буква <ä> означает звук, отсутствующий в русском языке, поэтому условно заменяется на <е>). Такой подход упрощает восприятие ФЕ, делает её более доступной для людей, незнакомых с языком-донором, но при этом несколько нарушает исходную конструкцию, вплоть до деформации фразеологического образа (ФО).

3. Калькирование – не только популярный приём, использующийся в транслятологии для перевода иноязычных ФЕ, но и лингвокультурологический способ их введения в автохтонные тесты. Он позволяет достаточно эффективно передать образную уникальность адаптированной культуры страны эмиграции писателя. Однако данный приём, как отмечает Р. А. Аюпова (2004), имеет определённые ограничения: «Необходимым условием при калькировании является “привычность” образа для носителей языка-реципиента, ибо необычность и странность образа, лежащего в основе ФЕ, может привести к неправильному восприятию данной единицы и её активному неприятию в языке-рецепторе» (с. 4). В нашем случае речь идёт не столько о классическом переводе (исключением можно считать работу В. В. Набокова над романом «Лолита»), сколько об адаптации иностранного выражения для русскоязычного читателя. В отдельных случаях, на наш взгляд, стоит говорить о неосознанном калькировании, возникающем в случаях, когда языковая личность настолько привыкает к определённым ФЕ в новом для себя языке, что транспонирует существующие там фразеологические образы на язык родной. Наиболее яркие примеры калькирования представлены именно в текстах В. В. Набокова (1991). Такова, например, ФЕ *сок радости* ‘алкоголь’: «...ведь не забудем, что ты был жирноват, Ромка, несмотря на все эти наркотики – “снежок”, “сок радости” и так далее...» (с. 269). Выделенная ФЕ – калька английской *joy juice*, которая, судя по контексту, может носить разговорный характер. При этом такой ФО полностью понятен носителю русского языка: алкогольное опьянение действительно способно вызывать кратковременную эйфорию. Ещё один интересный пример калькирования связан с попыткой адаптации к русским реалиям английской идиомы: «“*Дам тебе грош, коль не совершишь*”, – и она немедленно протянула ко мне ладошку, но в этот миг мне пришлось довольно резко затормозить перед красным светофором» (с. 231). В оригинале выделенная идиома звучит как *a penny for your thoughts* (досл. ‘пенни за ваши мысли’). Автор не просто заменяет стержневой компонент *пенни* на привычный русской лингвокультуре *грош*, он рифмует части русского выражения, делая его похожим на паремию.

Чаще всего калькирование можно встретить в произведениях эмигрантов третьей волны. Подобные выражения здесь способны передавать национальный колорит среды обитания и творчества. Кроме того, калькирование служит инструментом языковой игры. Например, в романе В. П. Аксёнова (1983) «Бумажный пейзаж» нередко можно встретить выражение *камнями по воронам*. При первом чтении может возникнуть аналогия со схожей по компонентному составу и структурной модели русской ФЕ *пушками по воробьям*, однако на ошибочность такого соотношения указывает контекст употребления: «*Камнями по воронам, подумала Урсула, похоже, что проклятые русские начисто лишены чувства ревности!*». Обращает на себя внимание

экспрессивность выражения, что подтверждается поиском аналогичных примеров в других языках. Так, можно проследить связь с английской ФЕ *stone the crow*, дословным переводом которой и будет являться рассматриваемое нами выражение. Обычно оно используется для выражения удивления, раздражения или скептицизма. В словарных источниках у выражения нередко присутствует помета, указывающая на его старомодность. Интересно, что, согласно одной из версий, ФЕ имеет австралийские корни. Примечательно, что В. П. Аксёнов (1983) в своём произведении вкладывает это выражение в уста героини-австралийки и даже подчёркивает это в тексте: «– **Камнями по воронам!** – ох, уж эти австралийские выражения! – Вы не преувеличиваете свою “генеральную репетицию?”». Такое употребление помогает понять иноязычную природу ФЕ и, соответственно, точнее воспринять её семантику, минимизируя влияние схожих автохтонных выражений. Однако подобные пояснения к иноязычным выражениям в эмигрантских текстах встречаются достаточно редко.

Рассмотренные выше способы передачи иноязычных ФЕ можно считать основными, однако они не являются единственными. Так, нередко можно встретить смешанные способы адаптации. Например, транслитерация может совмещаться с подбором русских эквивалентов/аналогов: «*И это Я, этот грязный, худой, голодный раб, что задрал вверх свое тюремное лицо и хрипло орет в равнодушные глаза Судьбы: – Аве, Цезарь! Аве, Цезарь!*» (Андреев, 1996, с. 187). Выделенное выражение представляет собой трансформированный (усеченный) вариант знаменитого латинского афоризма *Ave, Caesar, morituri te salutant* ‘Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя’. С одной стороны, автор транслитерирует лексему *ave*, а с другой – передает русский вариант имени *Цезарь*, не стремясь воспроизвести латинское звучание. Подобный приём в эмигрантских текстах нельзя считать продуктивным, т.к. используется он сравнительно редко.

Ещё один распространенный вариант комплексной передачи иноязычной ФЕ связан с объединением калькирования и комментария. Наличие подобного комментария позволяет пояснить сложный иностранный фразеологический образ, сделав его понятнее для читателя. Ярким примером может послужить ФЕ *Бронксовое ура*, употребленная В. В. Набоковым вместо английской ФЕ *Bronx cheer*. Опираясь на иностранных исследователей, И. А. Самохина (2014) указывает, что под данным выражением подразумевается «громкий и грубый звук, издаваемый в знак презрения, как правило, направленный в сторону команды соперников в бейсболе и др. командных видах спорта» (с. 272). Заменяя в составе ФЕ английское *cheer* ‘ободрить’ на *ура*, писатель стремится сохранить ФО выражения, однако понимает, что для русскоязычного читателя смысл ФЕ все равно останется загадкой. С этой целью он помещает в скобки своеобразную ремарку, служащую ключом к пониманию всего выражения: «*После того что сердитая Ло, испустив так называемое “Бронксовое ура” (толстый звук тошного отворачивания), удалилась, я по инерции продолжал пребывать на веранде...*» (Набоков, 1991, с. 60). Безусловно, такая характеристика не может служить основой для однозначного понимания смысла выражения, однако она дает возможность в целом понять его смысл.

Отдельного внимания заслуживают частные случаи трансформации заимствованных ФЕ, намеренно приводящие к разрушению их фразеологического образа и, как следствие, зарождению новых смыслов. Примером может послужить переосмысление ФЕ *перемещённые лица*, характеризующей многих представителей второй волны эмиграции. Выражение представляет собой кальку английского *displaced person*. Впоследствии к подобной категории людей стало применяться более привычное сегодня понятие *беженец*. После Второй мировой войны число *перемещённых лиц* на Западе было достаточно велико. Сами они нередко сокращенно называли себя *DP* (или «ди-пи»), что нашло отражение на страницах романа «Лолита» В. В. Набокова (1991): «*А после этого я ещё прикинул недельку единственно ради того, чтобы иметь удовольствие потягаться с могучим новым профессором из “перемещенных лиц”, или Ди-Пи (от “Дементии Прекок”), очень знаменитым, который славился тем, что умел заставить больного поверить, что тот был свидетелем собственного зачатия*» (с. 48). В приведённом фрагменте рассказчик якобы раскрывает происхождение самой аббревиатуры, указывая на её происхождение от латинского словосочетания *dementia praecox*. В разное время этим термином обозначались такие психические расстройства, как шизофрения и раннее слабоумие. Получается, что В. В. Набоков становится автором своеобразной лингвистической мистификации, намеренно меняя природу фразеологического образа, что влечёт за собой кардинальное изменение в описании объекта речи: из *беженца* он превращается в *сумасшедшего*, что дополнительно подчёркивается контекстом. Такой оригинальный пример позволяет не только понять гибкость и значимость фразеологического образа, но и убедиться в том, насколько важно понимать образную составляющую иноязычного выражения для точного определения его семантики.

Отдельно стоит отметить контаминацию иноязычных и русских элементов. Будучи элементом языковой игры, она также демонстрирует и лингвокогнитивные особенности сознания эмигранта, взаимопроникновение двух лингвокультур. Однако, на наш взгляд, объяснять использование подобных выражений только фактом эмиграции писателя было бы ошибкой. Подтверждением этой мысли служат примеры употребления таких контаминированных ФЕ в текстах, созданных до отъезда за пределы метрополии: «*Безусловно, каждый вечер отдельное групповое клокотание по специальностям сливалось в общий гам, где не разбирали – **ху есть ху**, а крыли по поверхности мироздания всей Золотой ордой...*» (Аксёнов, 1980, с. 72). Выделенное выражение представляет собой контаминацию английской ФЕ *who is who* и её русской кальки *кто есть кто*, при этом иноязычный исходник дополнительно транслитерируется. Такое употребление способствует «обрусению» выражения, а использование иноязычного компонента вместо существующего эквивалента служит средством создания иронии.

Использование дословного перевода вместо активно функционирующего в языке полного эквивалента тоже становится одной из форм переноса иноязычных выражений. Такова, например, ФЕ *сделать концы встречающимися*, служащая калькой английской ФЕ *make ends meet* ‘испытывать бедственное положение,

с трудом находить необходимые средства»: «Вначале я, конечно, имел чувство, что вряд ли **сделаю концы встречающимися**, но потом быстро обнаружил, что могу заработать себе отличный ливинг» (Аксёнов, 1983). Автор намеренно использует кальку, несмотря на наличие в русском языке ФЕ *сводить концы с концами*, имеющей не только идентичную семантику, но и схожий компонентный состав, а также образную составляющую. Причины такой замены могут скрываться в изменении этноязыкового сознания под влиянием чужой лингвокультуры или же намеренной имитации таких изменений (в приведённом тексте повествование ведётся от лица эмигранта). На высокую вероятность второго варианта может указывать употребление лексемы *ливинг* рядом с искомой ФЕ. В таком случае получается, что автор как языковая личность ощущает механизмы изменений, которым подвергается речь его соотечественников и, возможно, его собственная речь, что и находит отражение на страницах произведений (в т.ч. в ироническом ключе).

Иноязычные фразеологические включения связаны не только с популярными языками вроде французского, английского, немецкого, латыни. Так, например, нередко в текстах можно встретить украинские ФЕ. В силу близости двух языков провести демаркационную линию между собственно украинскими ФЕ и русскими / общими для двух языков, но оформленными на украинский манер, бывает достаточно сложно. Примечательно, что даже в случаях, когда в тексте якобы передаётся украинизированное произношение, запись ведётся исключительно на основе правил русской графики: «При всём том и какая-то фольклорность в нем жила, всякие украинские поговорки, типа **“за компанию та й жид повисылся”**; когда уставал со мной спорить, бросал коротко: **“або грай, або гроши вертай”**, и, наконец, любимое, программное: **“або полковник, або покойник”**» (Рубина, 2008). Такой подход стирает границы между русскими и украинскими выражениями, дополнительно подчёркивая их близость со стороны всех языковых уровней. Активно используются и единицы других языков, распространённых на территории бывшего СССР, например татарского: «Как в *Татарии* народ выражается: **“одна вход со двора, будет большой чумара”**» (Аксёнов, 1983). Контаминированный характер приведённого выражения также свидетельствует о взаимопроникновении двух лингвокультур (*чумара* – ‘выгодное дело, барыш’). Анализируя подобные примеры, можно заметить, что их употребление во многом соотносится с личным языковым опытом каждого из авторов.

Заключение

Таким образом, можно заметить, что иноязычные ФЕ занимают важное место в текстах писателей-эмигрантов. Их распространённость может служить иллюстрацией того, насколько зримым становится взаимодействие «старой» и «новой», «своей» и «чужой» лингвокультур. В результате исследования можно заметить, что механизмы функционирования иноязычных ФЕ, несмотря на их разнообразие, характеризуются определённой системностью. Нами были выделены несколько типов использования иноязычных ФЕ в текстах писателей-эмигрантов: оригинальное написание, транслитерация (транскрибирование), калькирование, трансформация. Каждый из них по-своему демонстрирует кросс-культурные процессы в этноязыковом сознании писателя-эмигранта. Среди внешних факторов, влияющих на особенности передачи иноязычного выражения, особо стоит выделить время эмиграции (у представителей одной и той же волны нередко просматриваются схожие тенденции), а также новое место жительства (лингвокультура, к которой приобщается писатель, непосредственно влияет на используемую им палитру языковых средств).

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении исследуемого материала, а разностороннем изучении особенностей фразеологического образа. Кроме того, предполагается более детально изучить выделенные ФЕ, чтобы выявить дополнительные факторы, обуславливающие не только структуру иноязычного выражения в русском тексте, но и смысловые оттенки лежащего в его основе фразеологического образа. Отдельное внимание будет уделяться поиску в языке-доноре схожих в структурно-семантическом отношении выражений для проведения сопоставительного анализа.

Источники | References

1. Аюпова Р. А. Проблемы сопоставительной фразеологии английского и русского языков: уч.-метод. пособие. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2004.
2. Безелянский Ю. Н. Русские поэты и писатели: в 3-х кн. М.: У Никитских ворот, 2017а. Книга вторая. И плеск чужой воды...
3. Безелянский Ю. Н. Русские поэты и писатели вне России: в 3-х кн. М.: У Никитских ворот, 2018. Книга третья: уехавшие, оставшиеся, вернувшиеся. Огни эмиграции.
4. Безелянский Ю. Н. Русские поэты и писатели вне России: в 3-х кн. М.: У Никитских ворот, 2017б. Книга первая. Отечество. Дым. Эмиграция.
5. Большакова Т. И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксёнова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2008.
6. Жукова М. Е. Иноязычные заимствования в русском языке как симптом нового мироощущения (о лузерах, «хромых утках» и «сбитых лёгчиках») // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 63.
7. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса // Язык. Культура. Гуманитарное знание: сб. ст. / отв. ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. М., 1999.

8. Колесова Н. В. Орфография иноязычных лексем в индивидуально-авторском словоупотреблении // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. № 3.
9. Кунин А. В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре // Тетради переводчика. 1964. № 2.
10. Николаева Е. В. Иноязычные фразеологизмы как элементы кросс-культурных коммуникаций // Иностранный язык в дискурсе моды: образовательные технологии и лингвокультурные исследования: сб. науч. тр. / под ред. Е. В. Николаевой. М.: Изд-во Московского государственного университета дизайна и технологии, 2015.
11. Самохина И. А. Комбинированные приёмы трансляции культурно-исторических реалий в художественном тексте // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Тверь, 2014. Вып. 25.
12. Чумак-Жунь И. И. Влияние внешних факторов на изменение семантики слова: дискурс и полисемия // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6.
13. Gutovskaya M. Three Types of Ethno-Specificity in Phraseology: Ethno-Linguistic, Ethno-Cultural, and Ethno-Cognitive Specificity // *Respectus Philologicus*. 2015. Vol. 27. No. 32.

Информация об авторах | Author information

Голикова Мария Михайловна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

Golikova Mariya Mikhailovna¹

¹ Belgorod State National Research University

¹ golikova@bsu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.12.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): фраземика; иноязычные заимствования; фразеологические трансформации; способы модификации устойчивых выражений; phrasemics; foreign language borrowings; phraseological transformations; ways of modifying set expressions.